

У Сяомо горько усмехнулся и покачал головой:

— Я не из числа известных личностей, я всего лишь мелкий нарушитель спокойствия.

Он посмотрел на жирный чёрный иероглиф «Долголетие», ярко выделявшийся на красном фоне, и на его лице появилось выражение безнадёжности.

Кто-то празднует своё семидесятилетие, а у него осталось всего несколько дней жизни.

Иногда небеса любят шутить так, что и плакать нельзя, и смеяться не получается.

У Сяомо развернул письмо внутри конверта, на котором было написано:

«Давно не виделись, очень соскучился. Шестого числа второго месяца, Горная усадьба Сюньлин, встретимся снова, не разойдёмся, пока не напьёмся. Собственноручно, Янь Цзю.»

У Сяомо смотрел на изящные иероглифы, вспоминая мягкие черты лица Янь Цзю, и вдруг почувствовал, что в нём снова загорелась надежда на завтрашний день.

На следующий день У Сяомо и Цзи Фэй отправились в Горную усадьбу Сюньлин.

Завтра было шестое число второго месяца, и, так как пир обещал быть грандиозным, его решили провести в обширной усадьбе Сюньлин. Некоторые гости прибыли заранее, чтобы успеть осмотреть знаменитую усадьбу, известную своей красотой и гармонией.

Теперь У Сяомо знал, что Янь Цзю вернулся в усадьбу, чтобы помочь организовать пир в честь маркиза Цзымяо.

Когда-то Горная усадьба Сюньлин не была такой большой и знаменитой.

Отец Янь Цзю — Янь Чжэнь, основавший усадьбу, столкнулся с серьёзными трудностями вскоре после её создания. Но благодаря помощи маркиза Цзымяо, который помог преодолеть препятствия, усадьба смогла выжить и с тех пор процветала. Позже вторая сестра Янь Цзю, Янь Сюань, стала наложницей императора, получив особую милость и поселившись в Дворце Сюаньцзи. С тех пор семья Янь из усадьбы Сюньлин стала известной в мире ремесленников.

Многие гадали, почему маркиз Цзымяо вдруг решил помочь усадьбе.

К сожалению, третий сын Янь Чжэня, Янь Ху, и старший сын, Янь Цзин, вскоре погибли, и семья чуть не прервалась!

К счастью, пятый ребёнок, родившийся позже, оказался мальчиком — это был пятый брат Янь Цзю, Янь Янь. Он был одарённым, обладал невероятной силой и мастерски владел луком. Его «Струющийся Свет и Летящее Пламя» могло пробить лист бумаги с сотни шагов, и он славился в мире ремесленников как талантливый и благородный человек. Он помогал отцу управлять усадьбой, приводя её в порядок, и все говорили, что семья Янь воспитала достойного сына.

Янь Цзю был последним ребёнком Янь Чжэня. Его мать умерла при родах, что было странно, ведь это была не первая её беременность. Возможно, возраст и усталость сыграли свою роль.

Поэтому Янь Чжэнь бесконечно любил Янь Цзю, давая ему двойную отцовскую любовь, чтобы компенсировать потерю матери.

Пять старших сестёр тоже обожали младшего брата, часто принося ему девичьи игрушки и наряжая его в розовые одежды. Когда Янь Цзю вспоминал об этом, ему становилось стыдно.

Но Янь Чжэнь был уже в годах, и у него было много дел в усадьбе, поэтому он не мог постоянно быть рядом с сыном. Пять дочерей, конечно, тоже были женщинами, и, когда Янь Цзю подрос, они перестали быть слишком близкими. Поэтому самым близким человеком для Янь Цзю стал его пятый брат — Янь Янь.

Можно сказать, что Янь Цзю вырос на руках Янь Яня. Сначала Янь Янь просто интересовался младшим братом, но однажды отец сказал ему: «Это твой единственный брат, ты должен защищать его и выполнять обязанности старшего брата!»

И Янь Янь действительно стал не только старшим братом, но и отцом. Он учил Янь Цзю читать и занимался с ним боевыми искусствами, не позволяя ему беспокоиться о делах усадьбы. Когда Янь Цзю был маленьким, его редко выпускали из дома, а если нужно было навестить родственников, Янь Янь всегда сопровождал его.

Янь Янь был как наседка, защищающая своего птенца. Даже когда Янь Цзю отправился искать У Сяомо, он долго уговаривал брата, и тот разрешил только после долгих раздумий. Но через несколько дней Янь Янь начал беспокоиться, что Янь Цзю может попасть в беду, и отправил голубя с письмом, чтобы вернуть его.

В детстве Янь Цзю не понимал и слушался Янь Яня. Но когда он подрос, то пришёл жаловаться — он ведь не девочка, почему ему нельзя увидеть мир?

Янь Янь, проверяя счета, не поднимая головы, спокойно ответил:

— Мир не так уж отличается, усадьба Сюньлин достаточно большая, разве тебе мало?

Но даже самая большая усадьба когда-нибудь надоеет.

Янь Цзю обиделся и начал шмыгать носом.

Янь Янь продолжал спокойно читать счета.

Янь Цзю поплакал, но, видя, что брат не реагирует, почувствовал себя глупо и, ещё больше обидевшись, выбежал из кабинета.

Услышав, как звук нефритовых серпов «Парящий вихрь» на голове Янь Цзю удаляется, Янь Янь без слов отложил счета и побежал за ним.

Вечером они вернулись в усадьбу.

Когда У Сяомо и Цзи Фэй прибыли в Горную усадьбу Сюньлин, уже наступил вечер.

У Сяомо подсчитал, что последние дни он только тратил время впустую.

Теперь он окончательно понял, что время — это деньги! Нет, время нельзя купить за деньги, время — это жизнь!

Но он не мог не делать этого.

Он не мог оставить хрупкую Лю Имэй и не мог не поспешить к своему дорогому другу.

Вечером он не увидел Янь Цзю. Тот был занят, ведь завтра был пир, и нужно было всё проверить.

Слуги отвели У Сяомо и мастера Цзи Фэй в разные комнаты. У Сяомо спросил:

— Мы пришли вместе, почему нас не поселили рядом?

— Мастер Цзи Фэй и даос Чёрное Дерево прибыли раньше, поэтому их комнаты рядом, — ответил слуга.

У Сяомо кивнул и больше не спрашивал, последовав за слугой в тихую комнату.

После ужина наступила ночь.

У Сяомо лежал в горячем источнике, наслаждаясь моментом.

На его груди уже было два кроваво-красных лепестка. Если бы они не символизировали приближающуюся смерть, он бы нашёл их красивыми.

На поверхности воды плавал белый пар, и два потока воды непрерывно стекали, ударяясь о камни и издавая шум.

У Сяомо закрыл глаза, его кожа покраснела от горячей воды, а на лице блестели капли. Он начал расслабляться.

Вдруг из-за искусственной горы донёлся звук цитры. То нежный, то низкий, то мягкий, то резкий, как ветер, играющий с соснами, или дождь, стучащий по банановым листьям.

У Сяомо прислушался и, не удержавшись, встал. Не успев одеться, он накинул на себя тонкий халат и, взяв костяную флейту из журавликовой кости, пошёл на звук.

Через несколько шагов он увидел на беседке человека в белом, играющего на цитре.

У Сяомо улыбнулся, поднёс флейту к губам и начал играть.

Звуки цитры и флейты слились в гармонии, то взлетая, то опускаясь, как журавль и феникс, танцующие вместе.

Когда музыка закончилась, звуки постепенно затихли.

У Сяомо опустил флейту, взмахнул руками, как журавль, и взлетел на беседку, оказавшись позади музыканта.

Тот не обернулся, продолжая сидеть за цитрой.

У Сяомо сказал:

— Ваше мастерство игры на цитре поражает.

— Ты тоже неплохо играешь на флейте, — ответил тот низким голосом.

У Сяомо улыбнулся:

— Если бы не ваша цитра, я бы не смог сыграть так хорошо.

Музыкант, кажется, усмехнулся:

— Жаль, что цитре больше подходит свирель, а не флейта.

У Сяомо поклонился:

— Будь то свирель или флейта, я бы хотел подружиться с вами. Не откажете ли в любезности?

После этих слов музыкант не ответил. Через мгновение он отодвинул цитру, встал и повернулся к У Сяомо.

Тот увидел его лицо и почувствовал, что уже встречал его.

— Мы... где-то виделись?

— Да. Мы встречались.

[Авторское примечание: Сегодня нет примечаний.]

<http://bllate.org/book/15438/1369230>